

ПРОЛОГ

Мне опять снился сон. Этот сон. Каждую ночь одно и то же. Но наутро, как обычно, всё забудется. Может быть, оно и к лучшему. Останутся только туманные воспоминания о приоткрытых, словно приглашающих куда-то воротах, рядом с которыми в камне застыли два пионера.

А ещё странная девочка, которая постоянно спрашивает:
— Ты пойдёшь со мной?

Пойду? Но куда? И зачем? Да и где я вообще нахожусь?

Конечно, случись всё на самом деле, наяву, стоило бы непременно испугаться. Как же иначе! Но это всего лишь сон. Тот самый, который я вижу каждую ночь.

А ведь всё это неспроста! Необязательно знать где и почему, чтобы понять — что-то происходит. Нечто, отчаянно требующее моего внимания. Ведь всё окружающее меня здесь — реально! Реально настолько, насколько реальны вещи в моей квартире: я бы мог открыть ворота, услышать скрип петель, смахнуть рукой осыпающуюся ржавчину, потянуть носом свежий прохладный воздух и поёжиться от холода. Мог бы, но для этого надо сдвинуться с места, сделать шаг, пошевелить рукой.

А ведь это сон, — я понимаю, — но что дальше, что изменит моё понимание? Ведь здесь словно по ту сторону потрескавшегося экрана старого телевизора, который из последних сил борется с помехами и силится показать зрителям всё, не упустив ни малейшей детали. Но вот картинка теряет чёткость. Наверное, скоро просыпаться.

■ ■ ■

Может быть, спросить у неё что-то? У девочки. Как же её зовут... Например, про звёзды. Хотя почему про звёзды? Можно же спросить про ворота! Да, про ворота! Вот она удивится. Или лучше про букву ё. Хорошая была буква. Как будто её больше нет! И какое отношение буквы, ворота и звёзды имеют к этому месту? Ведь если мне каждую ночь снится этот сон, который потом всё равно забудется, надо искать разгадку здесь и сейчас! А вот, если присмотреться, можно увидеть Магелланово Облако... Словно попал в южное полушарие!

■ ■ ■

Во сне всегда больше волнуют мелочи: неестественный цвет травы, невозможная кривизна прямых или своё перекошенное отражение — а реальная опасность, готовая оборвать всё здесь и сейчас, кажется пустяком. Естественно, ведь здесь нельзя умереть. Я точно знаю — я делал это сотни раз. Но если нельзя умереть, нет смысла жить? Надо будет спросить у девочки, она местная — должна знать! Да, именно, спросить! Например, про сову. Больно уж птица странная. А впрочем, неважно.

■ ■ ■

— Ты пойдёшь со мной?

И каждый раз надо отвечать. Иначе никак, иначе сон не закончится, а я — не проснусь. Каждый раз так сложно решить, что же ответить. Где я, что я здесь делаю, кто она такая? И почему от ответа на этот вопрос зависит так много в моей жизни? Или не зависит? Ведь это просто сон. Просто сон.

Экран монитора смотрел на меня словно живой. Иногда мне правда казалось, что он обладает сознанием, своими мыслями и желаниями, стремлениями, умеет чувствовать, любить и страдать. Словно в наших отношениях инструмент не он, неодушевлённый кусок пластика и текстолита, а я. Наверное, в этом есть доля правды, ведь компьютер на 90% обеспечивает моё общение с внешним миром. Анонимные имиджборды, иногда какие-то чаты, редко — аська или джаббер, ещё реже — форумы. А людей, сидящих по ту сторону сетевого кабеля, попросту не существует! Все они — всего лишь плод его больной фантазии, ошибка в программном коде или баг ядра, зажившего собственной жизнью. Если посмотреть со стороны на моё существование, то такие мысли покажутся не столь уж бредовыми, а какой-нибудь психолог наверняка поставит мне кучу заумных диагнозов и, возможно, выпишет направление в жёлтый дом. Маленькая квартирка без следов какого бы то ни было ремонта или даже подобия порядка и вечно одинаковый вид из окна на серый, бегущий куда-то день и ночь мегаполис — вот условия моей жизни.

Конечно, всё начиналось не так. Я родился, пошёл в школу, закончил её — всё как у людей. Поступил в институт, где кое-как промучился полтора курса. Работал на паре-тройке разных работ. Иногда даже и неплохо, иногда даже получая за это достойные деньги. Однако всё это казалось чужим, словно списанным с биографии другого человека. Я не ощущал полноту жизни — она словно зациклилась и продолжала идти по кругу. Как в фильме «День сурка». Только у меня не было выбора, как именно провести этот день, и каждый раз всё повторялось по одной и той же схеме. Схеме пустоты, уныния и отчаяния.

Последние несколько лет я просто целыми днями сидел за компьютером. Иногда подворачивались какие-то халтурки,

иногда помогали родители. В общем, на жизнь хватало. Это и немудрено, ведь потребности у меня небольшие. На улицу я практически не выхожу, а всё моё общение с людьми сводится к интернет-переписке с анонимами, у которых нет ни реального имени, ни пола, ни возраста. Короче говоря, достаточно типичная жизнь достаточно типичного асоциального человека своего времени. Этаким Обломов XXI века. Может быть, маститый писатель напишет обо мне роман, который станет классикой современной литературы. Или напишу я сам.

Впрочем, нет, что себя обманывать, уже не раз пытался, но меня не хватало даже на короткий рассказ. Изучал я и множество других вещей. Рисовать не дано от природы. Программирование надоело. Иностранные языки — долго и скучно. Любил я разве что читать, но даже при этом никогда бы не назвал себя эрудированным человеком. Возможно, я был асом в просмотре аниме и гроссмейстером неумелых шуточек в интернете. Плати мне за это деньги, я бы обрадовался, да и заработал бы неплохо, но вряд ли так просто можно заполнить пустоту в душе.

Сегодня очередной типичный день моей типичной жизни типичного неудачника. И именно сегодня мне нужно ехать на встречу институтских товарищей. По правде говоря, совершенно не хотелось. Да и какой смысл, если вместе с ними я отучился всего ничего? Однако меня всё же уговорил друг, бывший одноклассник, один из немногих, с кем я поддерживал контакт не только в интернете.

Вечер. Мороз. Остановка и ожидание автобуса. Я никогда не любил зиму. Впрочем, и жаркое лето — тоже не моя стихия. Просто не вижу смысла выделять какое-то одно время года. Не столь важно, какая погода на улице, если ты целыми днями сидишь дома.

Автобус сегодня задерживался так сильно, что я уже был готов плюнуть на всё и потратить последнюю пару сотен

на такси (совсем не ехать мне почему-то в голову не пришло). В мозгу, как всегда, роились миллионы мыслей, из которых совершенно невозможно выудить хотя бы одну стоящую. Такую, которую можно закончить, привести в порядок, облечь в форму идеи и претворить в жизнь. Может быть, заняться бизнесом? Но откуда я возьму деньги? Или пойти опять работать в офис? Нет уж! Может, стоит попробовать фриланс? Да что я умею и кому я нужен.

■ ■ ■

Вдруг мне вспомнилось детство. Или скорее юношество, пятнадцать-семнадцать лет. Почему именно это время? Не знаю. Наверное, потому, что тогда всё было проще. Было проще принимать такие сложные сейчас и такие простые тогда решения. Проснувшись с утра, я чётко знал, как пройдёт мой день, а выходных ждал с нетерпением, ведь был уверен, что смогу отдохнуть, заняться любимыми делами: компьютер, футбол, встречи с друзьями. А потом, когда наступит новая неделя, вновь примусь за учёбу. Ведь раньше не возникало этих мучительных вопросов «зачем», «кому это надо», «что изменится, если я это сделаю» или «что не изменится». Простой поток жизни, такой привычный для любого нормального человека и такой чуждый для меня теперешнего. Время беззаботного детства.

Тогда же я и встретил свою первую любовь. Стёрлись из памяти её внешность, характер. Как строчка из профиля в социальной сети осталось лишь имя да те чувства, которые захлёстывали меня, когда я был с ней. Теплота, нежность, желание заботиться, защитить. Жаль, что это продолжалось так недолго. Сейчас я уже с трудом могу себе представить что-то подобное. Наверное, и хочется познакомиться с девушкой, только не знаю, как начать диалог, о чём вообще с ней гово-

ритель, чем её заинтересовать. Да и подходящих девушек я давно не встречал. Хотя где мне их встретить.

Звук работающего двигателя вернул меня к реальности. Подъехал автобус. «Какой-то он не такой», — мелькнула мысль. Впрочем, какая разница, по этому маршруту ходит только 410-ый.

Огни пролетают мимо, их холодный свет словно зажигает внутри давно погасшие чувства. Или не зажигает, а просто пробуждает... Ведь «они» уже давно живут во мне, то затихая, то просыпаясь вновь. Какая-то очень известная мелодия играла в радиоприёмнике у водителя. Но я её не слушал. Я смотрел в запотевшее окно автобуса на проезжающие мимо машины. Ведь люди куда-то спешат, ведь им что-то нужно, и, погружённые в свои дела, они не задумываются о вопросах, мучающих меня. Наверное, у них тоже есть свои серьёзные проблемы, а может, им живётся куда легче. Знать наверняка нельзя, так как все люди разные. Или не разные? Бывает, поступки человека легко предсказуемы, но, пытаюсь заглянуть к нему в душу, видишь лишь непроглядную тьму.

■ ■ ■

Автобус приближался к центру, и мои мысли прервал яркий свет огней большого города. Сотни рекламных вывесок, тысячи машин, миллионы людей. Я смотрел на это светопреобразование, и мне почему-то безумно захотелось спать. Глаза закрылись всего на полсекунды и...

ДЕНЬ 1

В глаза ударил яркий дневной свет. Сначала я не обратил на это внимания, так как ещё не до конца проснулся. Ноги сами понесли меня к двери.

— Чёрт, похоже, проспал остановку!

Но двери не было. Я оглядел автобус и понял, что это не привычный мне потрёпанный, выдавший виды ЛиАЗ, а самый настоящий Икарус! Меня сковал ужас. Я лихорадочно ощупал своё тело, несколько раз больно ударил ладонями по щекам, сильно приложился лбом о спинку кресла.

Я выскочил на улицу и огляделся. Везде, куда ни глянь, бушевала зелень: высокая трава на обочине дороги, деревья, цветы. Нестерпимо болела голова, как будто готовая взорваться.

Постепенно я начал вспоминать. Длинная дорога, уносящаяся вдаль, леса, степи, поля, озёра, вновь леса. А потом провал. Какая-то девушка склонилась надо мной. Она нежно нащёптывает что-то мне на ухо. Потом опять провал — и я очнулся здесь. Почему-то от воспоминаний о ней мне становилось хорошо и спокойно, а изнутри поднималось приятное тепло, расходящееся по всему телу.

Я дёрнулся влево, потом вправо, потом остановился в нерешительности и наконец побежал в направлении, откуда предположительно приехал автобус.

■ ■ ■

Физические упражнения освежают мозг, мысли проясняются, становится легче оценивать окружающую действительность. Впрочем, это всё совершенно не обо мне, я сидел на обочине дороги, хрипя и пытаюсь жадными глотками раскалённого воздуха хоть немного успокоить обожжённое горло. В любом случае пробежка пошла мне на пользу — страх на некоторое время отступил. Может, я и правда сплю?.. Но, вспомнив самоистязания в автобусе, я тут же отбросил эту идею. Я не сплю и не умер.

Вдаль уносилась узкая дорога через поле, та самая, из моего сна. Наверное, я очень далеко от дома. И дело даже не в том, что вчера была зима, а сейчас самое что ни на есть лето. Дело в окружающей природе. Конечно, летом обычно так и есть, зелено и жарко, но тут всё какое-то не такое, как в реальной жизни. Словно сошедшее с картин русских пейзажистов XIX века. Трава слишком уж сочная, кусты не такие, какими должны быть кусты — пышные, сквозь них ничего не разглядеть, как кроны деревьев, ей-богу. А уж сами деревья... До леса было довольно далеко, но казалось, что они сомкнули свои стройные ряды и только и ждут приказа, чтобы начать наступление на поля и степи. Я отдышался и посмотрел на автобус, почти скрывшийся из виду. Неплохо пробежался...

Страх накатил с новой силой. И эти ЛЭП... Значит, тут есть люди. Хотя что это значит? Ведь ровным счётом ничего! Почему в аду не может быть линий электропередач? Жарить грешников на угле? Прошлый век. Похоже, я дошёл до той точки невозврата, когда надо либо уже сходить с ума, либо всё-таки пытаться понять, что происходит. И пока ещё есть возможность, стоит выбрать второй вариант!

Я медленно направился назад к автобусу. Конечно, страшно. Но вряд ли я найду разгадку в полях и лесах, а это чёртово

ведро с гайками — единственное, что хоть как-то связывает меня с реальным миром.

■ ■ ■

Надо осмотреть местность повнимательнее. Кирпичная ограда с воротами, над которыми красовалась надпись «Совёнок», по бокам — статуи пионеров, а рядом на вывеске номер маршрута — «410».

— Сегодня рейс что-то затянулся, — усмехнулся я.

Человек, попав в экстремальную ситуацию, иногда начинает вести себя неадекватно. Возможно, сейчас со мной происходит что-то подобное.

Место казалось совсем не заброшенным — ворота не заржавели, кладка не осыпалась.

— «Совёнок»...

■ ■ ■

Что может так называться? Судя по статуям пионеров, наверное, детский лагерь. Причём лагерь действующий! Естественно, самое простое объяснение, как всегда, ничегошеньки не объясняет! Незнакомка, изменившийся автобус, лето, пионерлагерь... В голове за долю секунды проносились тысячи теорий: от похищения инопланетянами до летаргического сна, от галлюцинаций до сдвига пространства и времени. Ни одна из них не была хуже другой, но остановиться на какой-то одной было попросту невозможно.

Тут меня осенило — попробую позвонить! Я достал мобильник и набрал первый попавшийся номер из телефонной книги. Однако вместо палочек приёма на экране горел жирный крест. Ладно, возможно, в такой глуши связи нет. Но не попал же я сюда один! Автобусы ведь сами по себе не ездят!

Я обошёл его со всех сторон и убедился, что это не галлюцинация. Комья грязи на днище, кое-где виднеющаяся ржавчина, выцветшая краска и потёртая резина — нет, это определённо самый обычный Икарус. Да, именно такие тебя увозят непонятно куда, если нечаянно заснёшь. У меня вырвался нервный смешок. Именно вырвался. Сам по себе, непроизвольно. Ведь не место и не время шутить. Но где же тогда водитель? Я осторожно присел на бордюр рядом с автобусом и принялся ждать.

■ ■ ■

Хватило меня ненадолго. Кажется, волнение достигло пика, и я потихоньку начал сходить с ума. Наверное, в подобной ситуации любой человек испытывал бы что-то подобное. Инопланетяне и параллельные реальности покинули моё воображение, остались лишь пустота и мрак. Неужели всё так и закончится? Моя жизнь закончится? Ведь я столько всего хотел сделать, столько не успел. Меня охватила уверенность, что это конец. Но почему?! Это несправедливо! Неужели я хуже других?! Господи, за что? Слёзы нестерпимо жгли глаза, я свернулся калачиком и начал кататься по траве.

— За что?! Почему?! Почему я?! — истошно орал я.

Но мои крики слышали лишь безмолвные статуи пионеров да сидящая на дереве птица, которая тотчас взмахнула крыльями и улетела, прокричав что-то на своём, на птичьем, словно посмеиваясь над идиотом, посмевающим нарушить её послеобеденный сон. Я окончательно захлебнулся рыданиями и просто тихо лежал, изредка поскуливая.

■ ■ ■

Через несколько минут удалось всё-таки взять себя в руки. В голове немного прояснилось, а ужас и страх смерти если не отпустили, то как будто сделали передышку. В конце концов, если бы меня хотели убить, зачем всё это?! На опыты тоже не похоже. Если это какое-то чудовищное совпадение, то, возможно, оно не таит в себе угрозы. Как бы там ни было, пока что, кажется, нет никакой опасности.

Вскоре паника прошла. Конечно, бой в висках и дрожание рук никуда не исчезли, но теперь по крайней мере я мог рассуждать здраво. Сейчас от меня всё равно ничего не зависит! Поэтому сколько ни думай, ни накручивай себя, от этого станет только хуже. Пока не появятся какие-нибудь факты, строить догадки не стоит. В любом случае, околавываясь здесь, ничего не узнать.

Судя по всему, этот лагерь, если это, конечно, лагерь, — единственное место, где могли быть люди, поэтому я решил пойти туда и уже почти дошёл до ворот, как оттуда выглянула девочка в пионерской форме. Логика меня не подвела. Впрочем, пионерская форма в XXI веке. Впрочем, девочки здесь...

Я застыл на месте не в силах сделать ни шагу. Очень хотелось убежать. Подальше отсюда, подальше от этого автобуса, ворот, статуй, подальше от этой чёртовой птицы с её сиестой. Просто бежать, бежать свободно, словно ветер, бежать всё быстрее, маша рукой пролетающим мимо планетам, подмигивая галактикам. Бежать, став лучом пульсара, превратившись в реликтовое излучение, бежать навстречу неизвестности. Бежать куда угодно, но подальше отсюда!

Тем временем девочка подошла ближе и улыбнулась. Её красоту я не смог не отметить, даже трясаясь от страха. Человеческие инстинкты работают вопреки сознанию, и если только пять процентов мозга отвечают за мыслительную деятельность,

то остальные девяносто пять всегда заняты поддержанием жизнедеятельности, в том числе и обеспечивают стабильное функционирование гормональной системы. Мне так мучительно хотелось быть проще, не думать протокольными фразами из Большой советской энциклопедии, но мысли появлялись в мозгу одна за одной, глупые, неуместные, словно выдернутые из внутреннего монолога героя дрянного детективчика в мягком переплётё. Приятное славянское лицо, длинные косы, похожие на две толстые охапки свежескошенного сена, и голубые глаза, в которых, казалось, можно утонуть.

— Привет, ты, наверное, только что приехал? — весело спросила девочка, словно моё появление её совершенно не удивило.

Я остолбенел от удивления. Девочка выглядела совершенно нормально, даже была похожа на человека, но всё равно я не мог вымолвить ни слова. Бежать уже поздно.

— Я что-то не то сказала? — удивилась она.

Пришлось приложить немало усилий, чтобы ответить:

— Ну, да...

— Что?

— А, нет, я в смысле, что только что приехал, — быстро ответил я, уже было испугавшись, что ляпнул не то.

— Что же, добро пожаловать! — она широко улыбнулась.

Странно, но передо мной как будто совершенно обычная девочка. Эх, не стоило вообще сюда возвращаться, лучше уж в леса, в поля. Но что делать дальше — пытаться общаться с ней как с человеком, бежать или ещё что-то? В голове невыносимо стучала кровь, разрывая её изнутри: ещё немного и бедную пионерку забрызгает неприглядным содержимым моей черепной коробки.

— Что смешного? — девочка окинула меня взглядом.

По спине побежали мурашки, задрожали колени.

— Н... ничего...

— Ну и славно, — её милая улыбка казалась мне всё более неуместной в данной ситуации.

Славно? Что тут может быть славного? Внезапно захотелось плюнуть на всё, забыть о стоящем сзади автобусе, вчерашней зиме и будущем лете, скинуть чесоточный свитер и просто поверить, что всё это на самом деле, что так и надо, что так и должно быть, что всё это в конце концов к лучшему.

— А ты, наверное, знаешь... — начал я.

— Тебе к вожатой надо, она всё расскажет! — невозмутимо перебила меня девочка. — Смотри. Сейчас идёшь прямо-прямо, доходишь до площади, затем налево, дальше будут домики.

Она показала в сторону ворот, как будто я знал, что за ними.

— Ну спросишь у кого-нибудь, где домик Ольги Дмитриевны!

— Я... э-э-э...

— Всё понял?

Естественно, ничего я не понял.

— А мне пора, — девочка помахала мне рукой и скрылась за воротами.

Казалось, что я для неё что-то нормальное. И весь этот цирк с автобусом, путешествиями во сне и наяву волнует только меня, а здесь всё так, как и должно быть. Вожатая, пионерская форма... Они что, здесь устроили историческую реконструкцию? Надеюсь, на этой площади я не увижу Ленина на броневике? Хотя сейчас меня и это не удивит.

Постояв немного, я направился в лагерь. Буквально через пятьдесят метров слева словно из-под земли выросло небольшое одноэтажное здание. Вывеска рядом с дверью гласила «Клубы». Я уже было собирался подойти поближе, как вдруг открылась дверь, и оттуда вышла невысокая девочка в пионерской форме. На её красивом лице, как мне показалось, муки за судьбы всего человечества смешались с прямо-таки вселенской тоской. Увидев меня, девочка замерла будто бы от испуга. Я застыл

на месте, думая, как лучше поступить — подойти первым или подождать, пока она сама проявит инициативу. Или всё же бежать... Хотя именно этот вариант подкидывал постоянно лишь инстинкт самосохранения, или по крайней мере хотелось так думать. Не самый плохой человеческий инстинкт, но всё же далеко не самый логичный. Сыграй он партию в покер с дедуктивными способностями — и результат был бы известен заранее. А вот как раз эти способности или некое их жалкое подбие подсказывали, что эту девочку бояться не стоит.

Неожиданно из соседних кустов выскочил кто-то. Девочка в ярко-красной футболке с надписью «СССР». Как точно соблюден антураж эпохи. Издалека она казалась совсем маленькой и, наверное, по возрасту была младше и той пионерки у ворот, и этой — на пороге «клубов». Я собрался всё-таки подойти, как вдруг «СССР», так я мысленно прозвал её, подскочила к первой девочке и начала что-то говорить, при этом яростно размахивая руками. Та же в свою очередь смутилась, потупила взгляд и ничего не ответила. Я бы, наверное, так и наблюдал их занимательный диалог, но «СССР» вдруг достала что-то из кармана и начала трясти этим перед лицом первой девочки. Этим оказался кузнечик.

— Иииии-ии-ииииии! — завизжала первая девочка.

Видимо, она не очень любила насекомых, так как моментально убежала в сторону, где, по идее, Ленин когда-то читал речь о свершившейся рабоче-крестьянской революции. Ну, то есть в сторону площади. «СССР» посмотрела на меня, хитро улыбнулась и бросилась за ней.

Неплохое начало дня. Я совершенно не знаю, где я, да ещё тут какие-то дети играют в пионеров. И всё это, судя по всему, за тысячи километров от дома. Или вообще в другой реальности. И ведь реальности. То есть всё окружающее каза-

лось настолько реальным, хоть и несколько приукрашенным, что я уже начал иногда забываться: а вдруг вся моя жизнь до этого — всего лишь сон. И что теперь делать?

■ ■ ■

Я ковырял носком ботинка трещины в плитах, которыми была вымощена дорожка, и бесцельно смотрел на здание «клубов». Ещё немного и всё-таки придётся что-то решать. И тут я вспомнил, как катался по траве и рыдал. Меня передёрнуло от отвращения. Наверное, это ещё один инстинкт — когда все силы на нытьё и жалость к себе израсходованы, организм либо впадает в спячку, либо мобилизует резервы. Видимо, мой выбрал второй вариант, потому что откуда ни возьмись появилась решимость понять, что же здесь происходит. А для этого необходимо насколько возможно вести себя по-мужски, да просто по-человечески — не ронять достоинство представителя моего мира.

Я шёл по дорожке, слева и справа стояли небольшие домики — по-видимому, жилища местных пионеров. В принципе, снаружи они выглядели довольно уютно. Я сам, хоть и родился в Советском Союзе, никогда не был ни пионером, ни даже октябрёнком. И представлял себе быт обычного пионерлагеря несколько по-другому: огромные бараки с рядами железных коек, подъём в шесть утра по сирене, одна минута на то, чтобы заправить кровать, затем построение на плацу... Стоп! Или я что-то с чем-то путаю.

Неожиданный удар по спине!

Я пошатнулся, но устоял на ногах, развернулся и уже приготовился стать героем, спасая свою жизнь. Но передо мной оказалась всего лишь очередная пионерка. От удивления я открыл рот.